УДК 821.161.1.09"1917/1991" https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1(34).71-75

В.В.Шадурский

Д.П.СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ О МАРКЕ АЛДАНОВЕ

Представляется история изменений взглядов на литературу Д.П.Святополк-Мирского. На примере публикаций 1926—1929 гг. показывается, как от трансформаций в мировоззрении Мирского менялось его восприятие творчества Марка Алданова. Отказ от эстетической критики, переход к марксистским принципам анализа литературных произведений привел Мирского к новому для него методу литературоведения, который позднее назовут вульгарным социологизмом. Критические оценки Мирского, которыми он обозначал творчество Алданова, были определены переменами в мировоззрении. Творчество самого Алданова в 1920-е годы носило традиционный и консервативный характер, развиваясь под воздействием традиций Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского. Однако отношение Мирского к Алданову поменялось от положительного до критического.

***Ключевые слова**:* М.А.Алданов, Д.П.Святополк-Мирский, литература русского зарубежья

Данная статья продолжает материал, ранее представленный на предыдущих Мусатовских чтениях [1]. Д.П.Святополк-Мирский — самый скандальный литературный критик 1920-х гг.: написав несколько книг о литературе, множество статей, которые по новизне критического метода и содержанию были едва ли не самыми яркими в русском зарубежье, он изменил свою эстетическую критику на марксистскую. Для многих современников Мирский оказался эклектичным явлением, образцом непонятного поведения: как могло случиться, что русский князь, воевавший на стороне Белой армии, загорелся евразийством, коммунистическими идеями и вернулся из эмиграции на родину? Благодаря публикациям в англоязычной печати Мирский в 1920-е—1930-е гг. был самым известным на Западе русским литератором. На наш взгляд, в процессе изучения неоднозначной литературной критики Мирского появляется возможность понять причины, по которым менялось его восприятие разных эмигрантских писателей и литературного процесса вообще. Интересно проследить связь изменений мировоззрения и критического метода Мирского с восприятием творчества М.А.Алданова — автора, очень быстро завоевавшего популярность среди эмигрантских читателей.

Расцвет литературной критики и литературоведения Мирского пришелся на годы его эмиграции. Но в отличие от современников Мирский, может быть, в силу своего темперамента, быстро менял мировоззрение «справа налево», и эти перемены определяли характер его литературной деятельности.

Обратим внимание на важную характеристику его понимания русской литературы в 1925—1926 гг. «<…> Мирский солидарен с мыслью, только что выдвинутой тогда русскими формалистами: об автономности литературного процесса. “У литературы своя жизнь, свой путь, с которого ее не сбивают политические и общественные революции”. Это убеждение заметно в историко-литературных работах Мирского более всего в тематизации и периодизации материала» [2, с. 15]. В это время он сотрудничает с самыми уважаемыми изданиями русской эмиграции, в том числе и с журналом «Современные записки». В 1926 г. Мирский, наверное, впервые упоминает Алданова — в «Истории русской литературы…» [3] при характеристике творчества современных писателей, Информация об алдановских произведениях содержится в части под названием «Современная русская литература (1881—1925)», в 5-м параграфе 7-й главы «Мемуары и исторические романы». Напомним, что эта книга была подготовлена для английских студентов, завершена в июне 1926 г. и быстро напечатана. Свидетельства быстрой реакции на нее в русской эмиграции вряд ли возможны, ведь немногие соотечественники могли читать по-английски, и только единицы могли знать о выходе книги. Можно предположить, что Алданов, знавший английский язык и читавший множество книг на европейских языках, рано или поздно ознакомился с монографией Мирского. Но есть возможность допустить, что уже тогда в 1926 г. Мирский мог проявить смелость и неограниченную вольность в оценках литературных произведений. Смелость и некая субъективность Мирским проявлены, и отзыв об Алданове вышел очень лестным: «Еще один обращенный в прошлое писатель — Марк Алданов <…>, но его исторические романы отнюдь не бегство от современности. Напротив, он изучает прошлое, чтобы понять настоящее и его романы о французской революции надо читать с точки зрения революции русской. У Алданова «латинский» ум, он ироничен и превыше всего почитает здравый смысл» [3, с. 872]. Мирский высоко вознес Алданова, определив его преимущество даже в сравнении с такой величиной, как Д.С.Мережковский. Однако даже в хвалебной заметке критик успевает сказать о недостатках содержания алдановских произведений: «В нем есть что-то от Стрэйчи, хотя он очень далек от свойственного автору “Королевы Виктории” идеального чувства меры. <…> оба романа [“Святая Елена” и “Девятое термидора”] — занимательное чтение и к тому же свободны от греха излишнего мудрствования, которое убивает исторические романы Мережковского. Алданов, кроме того, острый и колкий политический автор. Его французская книга о Ленине (1921) написана со слишком очевидным предубеждением, но эссе “Клемансо и Людендорф”, напечатанное тогда же, выдерживает сравнение с самыми блестящими портретами м-ра Дж.М.Кейнза» [3, с. 872]. Здесь Мирский характеризует в первую очередь содержание произведений Алданова, выделяя политический аспект, но за пределы разговора о литературе пока не выходит.

Вторым случаем, когда критик обратил внимание на творчество Алданова, следует признать его публикацию в журнале «Версты» (1926, № 1, с. 206-210) [4]. Чтобы понять контекст этой публикации нужно

учесть, что в 1926 г. у Мирского полностью меняется мировоззренческий вектор, теперь его направление — на коммунизм. По наблюдениям В.В.Агеносова, Мирский более себя проявил «на позициях “сменовеховства”, нежели “евразийства”» [5, с. 53]; по другим представлениям, Мирский в этом время «все теснее связывает себя с евразийским движением и начинает ощущать себя обновителем его идеологии» [2, с. 17]. Как следствие — он понимает свою чужеродность всему эмигрантскому, а эмиграция начинает отторгать его самого.

Итак, в первой своей статье в журнале «Версты» Мирский делает обзор пятилетней деятельности парижских «Современных записок», где постоянно публиковались И.А.Бунин и М.А.Алданов, и трехлетней работы пражской «Воли России», в которой кроме эмигрантов публиковались авторы из СССР. По мысли Мирского, «Современные записки» прочно связаны с традицией русской интеллигенции; объединив в эмиграции силы правых эсеров, редакция журнала играет роль «культурных консерваторов» [4, с. 141]. Но это отнюдь не достоинство журнала. Политическая линия издания, естественно, сказывается и на содержании литературных отделов: «Литературно “Современные записки” инерция предреволюционной России» [4, с. 141]. Далее в статье критик связывает все еще проявляющийся в его методе эстетический подход с мировоззренческим и называет «литературное ядро» этого журнала обладающим «ненавистью <…> ко всему новому» [4, с. 142]. Среди разнообразных частей этого «ядра» он видит и Марка Алданова. Его творчество в этой статье трижды получает различные «эпитеты». Во-первых, Алданов называется писателем «ясного и ровного, хотя и неяркого, дневного света»; во-вторых, по «культурному» возрасту он относится к «до-символистской культуре»; в-третьих его творчество опять признается выше, чем творчество старших современников: Д.Мережковского и Б.Зайцева: «<…> редкий у нас пример писателя более умного, чем творчески сильного, с настоящим, не творческим и не очень широким, но подлинно историческим зрением <…>» [4, с. 142]. С двумя первыми характеристиками мы полностью согласны. А в третьей видится желание критика потеснить на пьедестале признанных писателей, которые, вероятно, по идеологическому своему содержанию перестают нравиться Мирскому. Однако даже положительная оценка творчества Алданова и некоторых произведений И.А.Бунина не превышают того значения, которым, по мнению Мирского, обладают авторы, печатающиеся на страницах «Воли России», «самого живого из эмигрантских журналов» с «интересом к мировой жизни» [4, с. 143]. Литература, как русская классическая XIX в., так и современная эмигрантская, подвергнута своеобразной ревизии, пересмотру, главный ее недостаток — отсутствие связи с «общей жизнью России». Итогом этого пересмотра становится признание успехов советской литературы и объявление войны бывшим литературным коллегам.

Третью развернутую характеристику творчества Алданова можно обнаружить в том же самом журнале, издаваемом Мирским. В «Критических заметках» («Версты», 1927, 10 августа. № 2, с. 255-262), посвященных традиционному обзору книг, вышедших в 1925—1926 гг. в Советской России и в эмиграции, Мирский дает большую характеристику романам. В одной из «заметок» анализ исторического романа Ю.Тынянова «Кюхля», отрывки которого печатались в «Верстах» и «Днях», продолжается анализом романов Алданова. В статье Мирский использует как традиционное понимание жанра исторического романа, соединяющего «познавательные задачи истории с задачами собственно художественными», но «ублюдочного» по своей природе [6, с. 171], так и современную его интерпретацию: «Новый исторический роман будет отделом истории в той же мере, что и художественной литературы» [6, с. 171]. Для того, чтобы показать изменение статуса исторического романа, критик проследил традицию объединения художественной формы романа с «элементами познавательными, объяснительными». Именно в таком контексте он видит оригинальность исторических романов Алданова: «Алданов идет от Толстого, для которого индивидуальное разнообразие прошлого бессмысленно, историческое становление не представляет ценности, и вся история сводится, в конечном счете, к суете сует. Алданов “неисторичен” в том смысле, что для него неинтересна историческая индивидуальность эпохи; его интересует не то, что отличает прошлое от настоящего, а то, что их сближает. Поэтому, несмотря на очень большую и добросовестную эрудицию, индивидуальности эпохи он дать не в состоянии» [6, с. 171]. Вместе с тем необходимо отметить, что творчество Алданова развивалось как под воздействием традиций Толстого, так и под влиянием других писателей русской классической литературы, в частности, Ф.М.Достоевского, см. об этом нашу публикацию [7]. Как и в предыдущей работе Мирского, указание на достоинство алдановской прозы соседствует с указанием на недостатки. Но в том-то все и дело, что особенность алдановских исторических романов — в поиске атмосферы, общей с событиями современников. «На человеческую индивидуальность он очень зорок, и некоторые его фигуры останутся памятны: алдановского Суворова, например, нельзя не признать великолепным достижением. Но в этом Суворове нет ничего, неотделимого от его времени, и он мог [бы быть] без изменений перенесен в обстановку, скажем, Ледяного похода, как толстовский Кутузов мог бы быть перенесен в обстановку крымской кампании» [6, с. 171]. Эта восприятие стиля Алданова на примере анализа вышедших к тому времени его очерков и романов, оказалось у Мирского одним из самых адекватных.

Однако в конце 1920-х гг. в некоторых случаях он демонстрирует такие литературные оценки, какими оценивали литературу другие его коллеги — литературные критики и литературоведы в Советском Союзе. Мирский начинает воспринимать литературные явления через призму классовой борьбы, вооружается пафосом, терминами марксистского литературоведения. Так, в «Заметках об эмигрантской литературе», впервые опубликованных в газете «Евразия» (1929, № 7), встречаем высказывания о творчестве Алданова, сделанные прямо-таки марксистом-вульгарным социологом: «<…> Алданов — национальный, так сказать, писатель

эмиграции буржуазной (то есть не помещичьей и не военной), среднекультурной и антантофильской (в смысле культурных вкусов)» [8, с. 355]. От былых наблюдений ученого, признававшего автономность литературы, ее независимость от политики, не осталось и следа. Более того, в этом новом политическом свете и Алданов превращается в отрицательную фигуру. «Ни с какой натяжкой его нельзя назвать большим романистом (да никто и не называет), но умный и добросовестный писатель <…>. Типичен для Алданова “умудренный” скептицизм, отсутствие веры в интеллигентские идеалы, презрение к Революции, несколько восторженное (и, конечно, не очень родственное) отношением к людям силы и воли, к военным и вельможам, к героизму Суворова и к аристократизму Талейрана — буржуазная эмиграция, грустящая о том, что она никогда и не была причастна к имперской власти и не участвовала в ее славе <…>» [8, с. 355]. Изменившийся под воздействием коммунистических идей критический метод заставляет читателя видеть не Алданова-художника, а Алданова — выразителя классовых взглядов чуждой Мирскому буржуазии. Конечно, при таком отношении можно было бы припомнить Алданову его членство в партии народных социалистов, своеобразном мелко-буржуазном ответвлении партии эсеров, и через это членство охарактеризовать его литературное творчество. Но почему-то до 1926 г. Мирский этого не делал.

М.Ефимов полагает, что в 1928 г. Мирский отказывается от эстетических критериев оценки литературы и вооружается этическими и классовыми критериями. Так, в статье «Заметки о пролетарской литературе» («Евразия», 1928, 22 декабря, № 5, с. 6-7) критик объявит: «Пролетарская Революция стоит вне и выше эстетических требований. Она предшествует самой возможности пролетарской литературы. Она мерило всего в романе, потому что она мерило всего и в жизни. Революция и Коммунизм для пролетарской литературы не тема, а среда: это не только литература о Революции, но и литература от Революции» [9, с. 46]. По мнению Ефимова, «Мирский, в соответствии со своими новыми идеологическими установками, настаивает на вторичности собственно эстетических критериев в оценке литературных произведений. Для него как идеолога важна классово-обусловленная закономерность, которую он видит и в истории, и в современности. Идеологическая схема требует простоты, а потому Мирский использует разнообразные риторические стратегии, чтобы свести всё многообразие историко-литературного материала к некоему магистральному движению, допускающему лишь временные отступления в сторону» [9, с. 49]. Мирский удивительным образом изменился, стал истовым марксистом, путь которого был естественно продолжен вступлением в коммунистическую партию Великобритании. О настойчивости Мирского в отношении новой позиции, о неуступчивости его критического характера говорит еще один документ. В письме от 16 февраля 1929 г. к другому «евразийцу», соредактору «Верст» П.П.Сувчинскому, Мирский, «обсуждая свою статью “Социальная природа русской власти” (“Евразия”, 1929, 9 марта, № 16, с. 3; 23 марта, № 18, с. 1-3; 30 марта, № 19, с. 3), писал: “<…> ультимативно прошу не притуплять ничего, что может показаться марксистским, то есть не менять ни одного слова в тех местах, где я говорю о классовом характере всякой, бывшей, государственной власти. Если на это коллегия не согласна, я не разрешаю печатать статью”» [10, с. 41]. В этом письме очень сильно подчеркнута зависимость литературных оценок Мирского от марксизма.

И вот уже в новой обзорной рецензии на 39-й номер журнала «Современные записки» («Евразия», 1929, 10 августа, № 33, с. 8) Мирский бегло характеризует несколько политических статей и произведения отдела беллетристики. Теперь его принцип подхода к исследуемому материалу очень грубый; так, «поймав» Г.Федотова на постоянно возвращающемся мотиве восхищения всяким аристократизмом, Мирский признает этот мотив повальным увлечением всех авторов данного журнала. М.Алданов и Г.Иванов на пару будут иронично названы «гвоздями» беллетристического отдела. Особому разбору подвергнется отрывок из алдановского романа «Ключ». Стиль Алданова Мирский сопоставит со стилем Г.Иванова (начало его романа «Третий Рим» опубликовано в том же номере), и критик увидит только дискредитирующее обоих писателей сходство: место, время действия, подражание «Войне и миру», изображаемые атрибуты сытой и красивой буржуазной жизни дореволюционного Петрограда, «культурность», вызывающие легкое чтение. «Культурность», как явствует из контекста статьи, для Мирского равнозначна посредственности и стереотипности. Отличительные качества алдановской прозы все же перечислены, но они сплошь отрицательные, свидетельствующие об отсутствии в у Алданова масштабности и наличии «местечковости», о неприятном для Мирского уважении дореволюционного «начальства»: «Снобизм Алданова утонченней и принимает форму тонкой иронии в отношении к недостаточно аристократическим салонам еврейских адвокатов; другое своеобразие Алданова — это идеализация начальника политической полиции, в котором не трудно узнать известного Белецкого» [10, с. 215].

Нужно понимать, что после 1922 г. Святополк-Мирский находился под сильным влиянием евразийских идей и с каждым годом значительно «левел», апогеем его перехода от эстетической критики к социологическим статьям марксистского содержания стало и вступление в коммунистическую партию Великобритании, и раскол в евразийстве, и переезд в СССР. Безусловно, рассмотрение литературного процесса через теорию классовой борьбы, сказалось не только на лексике Мирского, но и на его пафосе при характеристике произведений, публиковавшихся на страницах враждебных «Верстам» и «Евразии» «Последних новостях» и «Современных записок». Мирский выговаривает эти издания за игнорирование процессов обновления жизни, за неуважение к советской литературе. Но главное: теперь он выговаривает и авторов как за принадлежность к редакционной группе, так и за выражение взглядов определенной политической силы, хотя проявление воздействия этой силы эстетически не аргументируется. И отношение к Алданову меняется с положительного на критическое.

Эта история — пример того, как Марк Алданов, консервативный и традиционный писатель, по сути не менявшийся в 1920-е гг., оказался по-разному воспринят одним и тем же литературным критиком, мировоззрение которого имело удивительно прихотливую судьбу. Мнение Мирского репутацию Алданова существенно не изменило. Вместе с тем нужно понять разные последствия воздействия творческих перемен Мирского — на репутацию других писателей русского зарубежья и на оценку русской классической литературы XIX в., например, выделение «полезных» для жизни государства классицистических авторов и неприятие буржуазных, отживающих, «нежизненных» писателей типа В.Ф.Ходасевича или М.А.Алданова.

1. Шадурский В.В. Опыт В.В.Мусатова в понимании литературы русского зарубежья: случай Святополк-Мирского [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2018. № 5 (17). С. 1-16. URL: http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1479205 (дата обращения: 10.10.2020).
2. Смит Д. Параболы и парадоксы Д.Мирского // Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922—1937. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 5-30.
3. Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р.Зерновой. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2005. 964 с.
4. Мирский Д. [Рец.:] «Современные записки» (I—XXVI. Париж 1920—1925 гг.) «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I—II. Прага) // Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922—1937. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 141-144.
5. Агеносов В.В. Версты // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1919—1940). Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 52-56.
6. Мирский Д. Критические заметки // Версты. 1927. 10 августа. № 2. С. 255-262. Цит. по изд.: Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922—1937. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 164-172.
7. Шадурский В. Марк Алданов — комментатор русской классики. Великий Новгород: НовГУ, 2016. 111 с.
8. Святополк-Мирский Д.П. Заметки об эмигрантской литературе // Русский узел евразийства: Восток в русской мысли: сборник трудов евразийцев / Отв. ред. Н.И.Толстой. М.: Беловодье, 1997. С. 354-357.
9. Ефимов М.В. Д.П.Святополк-Мирский в газете «Евразия» (1928—1929 гг.): поиск синтеза «авторского канона» русской литературы с евразийской и марксистской идеологиями // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2015. Вып. 1(41). С. 39-52.
10. Мирский Д. [Рец.:] «Современные записки», книга 39-ая // Евразия. 1929. 10 августа. № 33. С. 8. Цит. по изд.: Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922—1937. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 214-215.

References

1. Shadursky V.V. Opyt V.V.Musatova v ponimanii literatury russkogo zarubezh'ya: sluchay Svyatopolk-Mirskogo [Experience of V.V.Musatov for perception of Russian emigration literature: case of Svyatopolk-Mirsky]. Memoirs of NovSU, 2018, no. 5 (17). Availiable at: http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1479205 (accessed: 10.10.2020).
2. Smit D. Paraboly i paradoksy D.Mirskogo [Parabolas and paradoxes of D.Mirsky]. In: Mirsky D. O literature i iskusstve: Stat′i i retsenzii 1922—1937. Moscow, 2014, pp. 5-30.
3. Svyatopolk-Mirsky D.P. Istoriya russkoy literatury s drevneyshikh vremen po 1925 god [The history of Russian literature from ancient times to 1925]. Novosibirsk, 2005. 964 p.
4. Mirsky D. [Rets.:] “Sovremennye zapiski” (I—XXVI. Parizh 1920—1925 gg.) “Volya Rossii” (1922, 1925, 1926 gg. № I—II. Praga) [Rev. “Contemporary Notes” (I—XXVI. Paris 1920—1925) “The Will of Russia” (1922, 1925, 1926 s, no I—II. Prague)]. In: Mirsky D. O literature i iskusstve: Stat’i i retsenzii 1922—1937. Moscow, 2014, pp. 141-144.
5. Agenosov V.V. Versty [Versts]. Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya (1919—1940), vol. 2. Periodika i literaturnyye tsentry. [Literary Encyclopedia of Russian Diaspora (1919—1940, vol. 2, Periodicals and literary centers]. Moscow, 2000, pp. 52-56.
6. Mirsky D.P Critical notes. In: Mirskiy D. O literature i iskusstve: Stat′i iretsenzii 1922—1937 [On literature and art: Articles and reviews 1922—1937]. Moscow, 2014, pp. 164-172.
7. Shadursky V. Mark Aldanov — kommentator russkoy klassiki [Mark Aldanov — commentator of Russian classics]. Veliky Novgorod, 2016. 111 p.
8. Mirsky D.P Zametki ob ob emigrantskoy literature [Notes on Emigrant Literature]. In: Tolstoy N.I., ed. Russkiy uzel yevraziystva: Vostok v russkoy mysli: sbornik trudov yevraziytsev. Moscow, 1997, pp. 354-357.
9. Efimov M.V. D.P.Svyatopolk-Mirskiy v gazete “Yevraziya” (1928—1929 gg.): poisk sinteza “avtorskogo kanona” russkoy literatury s yevraziyskoy i marksistskoy ideologiyami [D.P.Svyatopolk-Mirsky in the newspaper “Eurasia” (1928—1929): the search for a synthesis of the “author's canon” of Russian literature with the Eurasian and Marxist ideologies]. St. Tikhon's University Review, Series III Philology, 2015, vol. 1(41), pp. 39-52.
10. Mirskiy D. [Rets.:] “Sovremennye zapiski”, kniga 39-aya [Rev. “Contemporary Notes”, book 39]. In: Mirskiy D. O literature i iskusstve: Stat′i iretsenzii 1922—1937. Moscow, 2014, pp. 214-215.

Shadursky V.V. D.P.Svyatopolk-Mirsky about Mark Aldanov. The article presents the history of changes in views on the literature of D.P.Svyatopolk-Mirsky. On the example of publications of 1926—1929s, we studied how the transformation in Mirsky's worldview changed his perception of the work of Mark Aldanov. The rejection of aesthetic criticism, the transition to the Marxist principles of the analysis of literary works led Mirsky to a new for him method of literary criticism, which would later be called vulgar sociologism. The critical assessments of Mirsky, with which he designated Aldanov's work, were determined by changes in his worldview. The creativity of Aldanov himself in the 1920s had a traditional and conservative nature, developing under the influence of the traditions of L.N.Tolstoy and F.M.Dostoevsky. However, Mirsky's attitude towards Aldanov changed from positive to critical.

Keywords: M.A.Aldanov, D.P.Svyatopolk-Mirsky, Russian Émigré Literature.

Сведения об авторе. Владимир Вячеславович Шадурский — кандидат филологических наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-0039-7824; shadvlad@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.12.2020. Принята к публикации 10.01.2021.

Ссылка на эту статью: Шадурский В.В. Д.П.Святополк-Мирский о Марке Алданове // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1(34). С. 76-80. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).71-75

For citation: Shadursky V.V. D.P.Svyatopolk-Mirsky about Mark Aldanov. Memoirs of NovSU, 2021, no. 1(34), pp. 76-80. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).71-75